

1898, 4 июня, № 120.

c. 1.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Современное общество въ про- свѣщеніяхъ Воборыкина и Че- хова

(Продолжение *)

[illegible]

70a. "Hypok. Hec." 26 111

воить отношения, русского общества — безусловно за Боборыкина, являющегося в данном историко-культурный момент выразителем новизны и предчувствия русской «интеллигенции», во всем широком и многозначительном смысле этого слова.

Причины русской жеманности, выраженные которой, в отношении къ послѣдствіямъ, является болѣзненнымъ, слѣдуетъ объяснить, чтобы имъ могли быть констатируемы въ немногихъ словахъ, но всё это могутъ быть сведены къ одной психологической сущности: къ чувству возмодости, свойственному русскимъ интеллигентамъ! Наша культура, которая развивалась заимствомъ и рѣшительными шагами была два вѣка, съ Петра Великаго (а что значитъ два вѣка въ жизни государства въ ящій, еще не имѣть прошлого, и не мѣждѣ утверждать настоящаго итѣе, основаннаго въ свѣтлѣмъ будущемъ. Тургеневъ приходилъ въ отчаяніе отъ этого отпавленія и въ Потугувъ въ «Дни» казавтъ это свойство русскихъ интеллигентовъ, восклицая: «Прекрасшіе люди, а та-же смѣсь отчаянія и задора, тоже живутъ буквою «буква». Все-молъ будетъ, будетъ. Въ жалованіи этого жѣтъ, и Русь въ цѣлые десяти вѣковъ ничего своего не выработала, ни въ управленіи, ни въ судѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни даже въ ремеслѣ... Но постоите, потерпите, все будетъ. А почему будетъ, позвольте доиспытывать?» — Какъ мы увидимъ, Человекъ не вѣрять въ эту букву «буква» и постоянно задаетъ вопросы: «а почему будетъ?»—по психологическая оснана русской жеманности отъ этого не палаетъ, скажу какъ бы подтвержденіемъ извѣстному афоризму: «слова в вѣдѣхъ гибнутъ, факты остаются». Гибнутъ слова Потугувскаго сочинѣнн, гибнутъ в вѣдѣхъ естествоиспытателей, но фактъ русской жеманности, сознана духовной мощи и «ири въ лучшую будущность останется въ душѣ русскаго человека. Въ единствѣ этой жеманности принимаютъ всѣ партіи, интеллигенты всѣхъ отнѣшковъ. Пользуясь уже широкимъ сравненіемъ Герцена, можно сказать, что русскан интеллигенція, какъ Янусъ имъ двуклѣмъ орегъ, смотритъ въ разныя стороны—въ стороны славянофильства въ западническую, ретроградную и прогрессивную, демократичную и пристрастную, въ самую яркую обидѣнна индивидуальности, такъ какъ сердце въ ней было одно. Въ этой русской сердцѣ много загадочнаго и таинственнаго, удивительнаго и восторженнаго.

которые зачастую выдают за великий интеллект, покаянная голова, как одна из переломов Достоевского, доктор Герце в пубе (из «Прятных Караманов»), который позволяет, что «русский носом часто сидит там, где надо плакать», — но факт остается фактом. И если допытываться у русского интеллигента о реальных причинах его жизнедеятельности, то ему не удастся сказать ничего путного, а ответить такими же неопределимыми, страшными, именно не устоять точный стилистический род Герцена, терминировать, как «русское сердце», а будет повторять из Галицких упрямство: «А все же это бытие».

II.

Говорить о Чехове, как о жизнегостивном, интеллигенте, можно лишь по поводу некоторых его произведений: *благие* или *хитрые* крупицы по образу и сущности по содержанию; у него есть масса наивысшего разсказов, проливающих отблеском солнечной стороны жизни (есть даже целые сборники вещей юмористически, выходящих из репертуара «разсказчиков или зародков бытия» в культуристике — «Поэтические разсказы»). Во множестве выходящих вещей Чехова, несомненно есть наступление в несомненное отношение к интеллигенту, несомненно годной слышности. В интеллигенте, изображенном Чеховым, преобладают: тьма: сепитика — Гамлета, самоубийца и выродившая-пенюхата.

Скотины-Гмелюва, принимающих к «любимым людям» Тургенева, выступаю у Чехова старый профессор в рассказе «Скудная история. Из записок старого человека» («Сверский Вестник», 1889 г. № 11). Старый профессор Чехова — человек, потерявший внутреннее равновесие под влиянием старости и мысли о приближающейся смерти, а главным образом — от постоянного внутреннего гнетущего присутствия в своем доме (того, что японцы называют «Grübeleien»). Старый профессор — человек с высочайшими культурными пристрастиями, умный, деликатный и добрый, даже очень внимательный (каждое его лекция — борьба с невежеством и скукой аудитории) — в изъ каждой лекции профессор вызывает неподдельный; «я думаю», — говорит он, — что Геркулес пошел самого пытливого из своих подданных не чувствовало оттого изнеможенно, какое ощущение в каждой раз после лекции!» — но в конце лекции он чувствует, что «он чувствует камнем на груди, и череп...

1898, 4 июня, № 120

С. 2.

ность прирожденного скептика; он, напротив, мало доступен влияниям искусства и мало понимает его.

Это человек без темперамента, весь погруженный в самого себя, интеллигентный, инстинктивно враждебный Гамлету (который, по Шекспиру, награжден от природы тучностью). Это Тургеневский Нежданов, герой «Новей»; Нежданов был бы точно таким пустоватым и свучным стариком, если бы до почтенного возраста профессора, который рассказывает о себе:

«Я думаю, долго думаю и ничего не могу придумать. И сколько бы я ни думал, и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что во всем желаннее жить чего-то главного, чего-то очень важного. Во всем пристрастия к науке, во всем желание жить в стремлении познать самого себя, во всем мыслях, чувствовать и понимать, как я составляю обо всем, жить чего-то общего, что охватывало бы все это в одно целое... Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всем моих суждений о науке, театре, литературе, учениках и во всем картинах, которые рисуют мое воображение, даже самый инстинктивный анализ не падает того, что называется общей идеей, или Богом живого человека... А коли жить этого, то, значит, жить и ничего!»

И действительно, на счет определенной цели жизни, нравственных устоев и идеалов у Чеховского героя «слабо»: он безпокойство в этом отношении. Поборники идеалов, по определению цели и идеала — не говоря уже о поборниках восьмидесятилетних-героях. Старый профессор настолько плох, что не может подать простого человеческого совета жеманной, ему симпатичной и обрабатываемой из нему с вопросом: «что вы думаете?» — вопросом так более простым, что в устах этой женщины (а может быть, и в устах другой) этот вопрос значить только: «кого вы любите?» — И вестись он заставляет читателя некоторую симпатию, так как этот человек, по своим гуманным инстинктам, значительно выше своей культурной среды, воплощающей его самый безответный образ. Точно так же то недоумение, с каким бичует себя старый профессор за то, что его подволило собой заставить его раздражаться и сердиться на окружающих:

«Самое лучшее и самое лучшее право коро-

лей, — говорить ох, — это право поминать. И я всегда чувствовал себя королем, так как безгранично пользовался этим правом. И никогда не судил, была ли это привилегия, охотно прощаясь с ней и направо и налево. Где другие протестовали и возмущались, там я только соглашался и убаюкивал. Все свою жизнь и старался только о том, чтобы мое общество было выносом для семьи, студентов, товарищей, для приволгуи. И такое мое отношение к людям, а знаю, воспитывало меня, кому приходилось быть около меня. Но теперь уже я не король. Мои дни проходят ничто такое, что прилично только рабам: в головах моей донь и ночь бродят злые мысли, а в душе силки себя гай-до чувства, каких я не знаю, какие-то выражения «король и раба» — чрезвычайно характерны для героев Чехова: эти интеллигенты из усталости и нравственной отщепенности обыкновенно значительно выше своих окружающих и потому на короне среди рабов. Герои Поборники идеалов, по определению цели и идеала — не говоря уже о поборниках восьмидесятилетних-героях. Старый профессор настолько плох, что не может подать простого человеческого совета жеманной, ему симпатичной и обрабатываемой из нему с вопросом: «что вы думаете?» — вопросом так более простым, что в устах этой женщины (а может быть, и в устах другой) этот вопрос значить только: «кого вы любите?» — И вестись он заставляет читателя некоторую симпатию, так как этот человек, по своим гуманным инстинктам, значительно выше своей культурной среды, воплощающей его самый безответный образ. Точно так же то недоумение, с каким бичует себя старый профессор за то, что его подволило собой заставить его раздражаться и сердиться на окружающих:

«Я думаю, долго думаю и ничего не могу придумать. И сколько бы я ни думал, и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что во всем желаннее жить чего-то главного, чего-то очень важного. Во всем пристрастия к науке, театре, литературе, учениках и во всем картинах, которые рисуют мое воображение, даже самый инстинктивный анализ не падает того, что называется общей идеей, или Богом живого человека... А коли жить этого, то, значит, жить и ничего!»

Очень напоминает старого профессора белая покровная герой рассказ «Жена», также разведенный адом гомосексуальным, также без «общей идеи» (он полагает, напротив, что даже в робких линиях этих восток, которые он строит, как выкопаны, видны его безхарактерности и близки эстетизма; также и этому герою присущи эстетические туманные инстинкты, побуждающие его думать добро, в которую он, в сущности, равнодушен (я думаю, этот герой, под влиянием жаны, посвящает себя филантропии случайного характера, поочередно голодающим). Также и в этом рассказе Чехов инстинктивно инстинктивно, одновременно в любви, в будущем, русскую интеллигенцию 80-х годов.

При отсутствии определенного мировоззрения и характера, интеллигент Чехов со своими гуманными инстинктами не в состоянии выдерживать видный позитив, неопределенной среды — и в самом начале жизненной борьбы изнемогает до такой степени, что, не выдержав, наваливается на себя руки. Самоубийство Чехова — это дальнейшая эволюция его экон-

тиков — Гамлетов, в сторону пессимизма. Иванов (герой драмы этого названия, 1889 г.) — в сущности такой же интеллигент и культурный человек, как и старый профессор, но до такой степени неинтересно к жизни, что падает под бременем первого же серьезного внутреннего конфликта: Иванов женат, влюблен в молоденькую девушку; больная жена его не переживает этой натуры, и Иванов кончает жизнь самоубийством, так как у него нет темперамента, достаточно сильного для того, чтобы забыть угрызения совести. Глубоко-честная и добрая по натуре природа самшится в жалобу Иванова на самого себя: «Что стало с моими нервами? — навить себя этот «король» заложушной интеллигенции (действие происходит в одном из убогих средней полосы России). — Стоит только больной жене уложить мое самоубийство, или не угодить прислуге, или ружье даст осячку — как я становлюсь груб, зол и не похож на себя! — Как же Гамлет, он прекрасно понимает истинную причину своего несчастия: в одном из своих последних монологов он констатирует истинный свой морок — лень и слабость:

«Если неглупый, образованный и здоровый человек, — говорит Иванов, — без всякой видимой причины стал пить Лазаря и цокать вниз по наклонной плоскости, то катить уж без удора, и жить ему спасения! Ну, где мое спасение? В чем? Пить я не могу — голова болит от вина; плакать стихов писать — не умю, молиться за свою душевную лень и видеть в ней нечто такое, превысшее — не желаю. Лень и есть лень, слабость — слабость; других названий у меня нет. Так в чем же мое спасение? Скажешь — любовь? Стара штука! Любовь — это лишняя толчея, в которую она осложняет душевную смуту, к тоске прибавляет новую тоску. Выиграть 200 тысяч? То же самое. Возбудить и поднять мой дух можно до самого неба, но после возбуждения наступит похмелье и мой дух падает еще ниже, чем был. Нужно понимать это и не скрывать от себя! У моего брата, нитки, есть одно спасение... И Иванов показывает на факт, в чем это спасение: он застреливается.

Всев. Чехович.

(Продолжение будет).